

«ВОЗВРАЩЕНИЕ СТАЛИНА»

КАК ПОНЯТЬ ОБОСТРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ?

Аналитическая записка № 429

ПОНАРС Евразия

Июнь 2016 года

Иван Курилла

Европейский университет в Санкт-Петербурге

В начале нынешнего года министр иностранных дел России Сергей Лавров опубликовал [статью](#) в журнале «Россия в глобальной политике», в которой попробовал объяснить радикальные перемены во внешнеполитическом поведении страны. Однако вместо анализа вызовов и возможностей начала XXI века Лавров посвятил свою статью тысячелетней истории России. Его непосредственный начальник президент Владимир Путин тоже часто пускается в исторические рассуждения для того, чтобы увязать свои решения со славным и священным прошлым России.

Язык, подменяющий политику историей, стал особенно популярен с начала украинского конфликта. В 2014 году Кремль использовал различные «исторические» описания, чтобы мобилизовать население на поддержку своих решений. Многие из этих идей с тех пор приобрели собственную логику, и собственные группы поддержки, которые стало трудно контролировать средствами пропаганды. Это политическое использование истории сильно осложнило жизнь профессиональных историков, в некоторых случаях превратившись в угрозу их деятельности.

Есть признаки, что правительство пытается изменить направление неконтролируемого распространения исторического языка политики; так, в августе 2015 года был дан ход законопроекту о мемориализации памяти жертв политических репрессий, ставшему законом весной 2016. Главная задача этого закона – остановить возвращение в пантеон героев Иосифа Сталина.

Использование истории

В процессе перемен, случившихся в российской политике в 2012-2014 гг., государственная пропаганда стала распространять различные версии исторического нарратива, чтобы оправдать решения, принимавшиеся Кремлем и обеспечить им массовую поддержку. В течение короткого времени правительство ввело в публичный дискурс серию исторических новаций. В дополнение к закону «О реабилитации нацизма», в обиход были пущены память о средневековом князе Владимире («крестителе Руси»), широко отмечено столетие с начала Первой мировой войны, а также с размахом отпразднована 70-я годовщина победы Советского Союза во Второй мировой. В 2015 году, однако, на первый план в исторической политике все более уверенно стал выдвигаться Иосиф Сталин, впервые за многие десятилетия вернувшийся в

общественное пространство с установлением новых памятников и переименованием улиц. Это возвращение Сталина привлекло большое внимание и вызвало обвинения со стороны анти-Сталински настроенной части общества в адрес Кремля. Тем не менее, похоже, что они не были инициированы или открыто поддержаны федеральными властями.

Угроза объективному историческому исследованию впервые появилась в апреле 2014 года, когда Государственная Дума одобрила поправки в Уголовный кодекс РФ, добавив в него статью «Реабилитация нацизма». С этого момента сомневаться в официальной версии Второй мировой войны стало небезопасно. В предыдущее десятилетие российское руководство уже использовало Вторую мировую (Великую отечественную) войну для объединения государства и общества. Коллективная память о страданиях и победе в этой войне формирует важную часть российской национальной идентичности. Практически каждая российская семья разделяет память о том времени и о 27 миллионах павших советских людей. Именно эта объединяющая сила памяти о войне объясняет, почему государство так внимательно относится к интерпретациям войны и старается удержать исторические нарративы о ней под контролем. Закон против «реабилитации нацизма» стал рубежом в развитии канона исследования и описания войны.

Память о Второй мировой войне приобрела новое политическое звучание в 2014 году, когда Евромайдан закончился победой протестующих, а на востоке Украины начались волнения. Российская пропаганда стала использовать аналогии с войной для описания ситуации в Украине. Москва называла националистических украинских политиков и самое киевское руководство «нацистами». Украинские военные, пытавшиеся восстановить контроль над неподчинившимися регионами, назывались «карателями», как немецкие подразделения 1941-43 гг., боровшиеся с партизанами сжигая деревни и убивая мирных жителей. Про-российские силы назывались «ополченцами», вызывая в памяти гражданских добровольцев, защищавших Москву в 1941. Кремль использовал наиболее сильный из доступных ему языков пропаганды.

К концу года стало ясно, что Кремль переусердствовал с использованием Второй мировой войны в целях пропаганды, и отсылки к этому прошлому в ходе украинского конфликта снижают его возможности использовать войну в качестве инструмента внутренней политики. «Инструментализация» истории начала разрушать саму память о войне как объединяющий нацию фактор. Видимо поэтому после окончания наиболее острой фазы конфликта Кремль стал менять язык своей пропаганды. Сначала он обратился к более ранним историческим событиям, чтобы найти новые рамки для своей политики.

Одной из таких эпох стал период Первой мировой войны. В августе 2014 года Путин выступил с [речью](#), посвященной открытию памятника героям этой войны. В этой речи он не просто напомнил о героизме и памяти о павших. Путин заговорил о том, что «эта победа была украдена у страны»; украдена теми, «кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы». Характерно, что Путин не назвал большевиков по имени, вероятно, чтобы не раздражать коммунистов, которые в последние годы вполне лояльны к его политике. Вместо этого он очевидным образом адресовал свой гнев либеральной оппозиции. Таким образом, он заложил основу использования Первой мировой войны в контексте маргинализации оппозиции собственной политике.

Единый взгляд?

В 2013 году Путин дал задание российским ученым – написать «единый учебник» истории России. Среди причин, которые он называл для этого предприятия, были широкие различия региональных историй в России между собой и в сравнении с общероссийским нарративом российской истории. Годом позже историки Института истории России РАН (ИРИ РАН) получили задание написать новые истории «Новороссии» и Крыма. Это поставило под сомнение предыдущую задачу подчинения региональных нарративов единому учебнику. Показательно, кстати, что в апреле 2016 года директор ИРИ РАН Юрий Петров упоминал о том, что институт продолжает работу над историей Крыма, но промолчал о Новороссии.

Не дожидаясь результата работы историков, осенью 2014 года Путин снова обратился к истории. На этот раз ему потребовались события тысячелетней давности для аргумента в пользу присоединения Крыма. На встрече с молодыми историками президент [сказал](#):

Крым для русских ... имеет и некоторое сакральное значение. Ведь именно в Крыму, в Херсонесе, крестился князь Владимир, а потом крестил Русь. Изначально первичная купель крещения России – там.

После этого средневековый князь Владимир стал новым объектом исторической политики России. Традиционный взгляд, связывающий крещение Руси с Киевом, поблек. Вскоре стало известно о планах поставить в Москве памятник князю Владимиру, который был бы больше, чем стоящий в Киеве. В середине 2015 года публичные дебаты о месте установки памятника не сходили с первых страниц. Все предлагаемые места были символически нагружены: Лубянка, напротив здания КГБ, Болотная площадь, центр зимних протестов 2011 года, или Боровицкая площадь, прямо напротив кремлевских ворот, используемых для проезда президента. Российский журналист Олег Кашин предположил, что сторонники установки памятника имели в виду «другого Владимира» (не князя, а президента). Эта дискуссия привлекла много внимания, но к концу лета ушла в тень, так как в Москве оказалось невозможно найти места для такой огромной статуи.

Сталин возвращается

Со времен речи о «Сакральном Херсонесе» в конце 2014 года президент Путин не предлагал каких-либо новых идей в сфере исторической политики. Даже во время грандиозных празднований дня Победы, ознаменованных массовым участием народа в акции «Бессмертный полк», официальные речи не включали новизны.

Однако средний уровень бюрократии, депутаты (особенно коммунисты) почувствовали вкус к созданию «официальной» истории. В частности, с этого уровня начался ряд инициатив, направленных на восстановление имени Сталина в пантеоне российских героев. В феврале 2015 года председатель Государственной Думы (и глава государственного Российского исторического общества) Сергей Нарышкин присутствовал на церемонии в Ялте (Крым), посвященной юбилею встречи Франклина Д.Рузвельта, Уинстона Черчилля и Иосифа Сталина. В ходе этой церемонии состоялось торжественное открытие монумента «Большой Тройке» авторства Зураба Церетели, включающего скульптуру Сталина. Это был первый официальный памятник Сталину, установленный в России с начала кампании де-сталинизации Никиты Хрущева в 1961 году.

После установки этого мемориала изображения Сталина стали появляться в разных частях страны и в разных контекстах. Патриотический Изборский клуб Александра Проханова принес

«икону» Сталина на церемонию на авиабазу в Энегельсе под Саратовом в июне 2015 года. Липецкая организация КПРФ установила памятник Сталину в своем городе в апреле. Подобные планы были озвучены в разных городах и селах страны, от Уссурийска на Дальнем Востоке до Орла в центральной России и Дагестанских Огней на Кавказе, где уже существует проспект Сталина. В июле бюст Сталина был установлен в Твери в экспозиции музея Калининского фронта, - что было поддержано министром культуры РФ Владимиром Мединским.

В этом же ряду можно рассмотреть и инициативу КПРФ провести референдум по возвращении на Лубянскую площадь памятника Феликсу Дзержинскому, главе ВЧК. Снос этой статуи в августе 1991 года был символом конца коммунистической власти. Показательно, что предложение было поддержано Моссоветом (органом, в котором коммунисты вовсе не доминируют).

Такая волна «возвращения Сталина» показала, что для некоторых политиков и бюрократов среднего ранга официальный исторический нарратив утратил свое объяснительное значение в трактовке государственной политики.

Официальная позиция Кремля по поводу Сталина остается непроясненной. Путин много раз осуждал Сталина и отвергал идеи мемориализации его имени. В «государственных» учебниках истории, включая «историко-культурный стандарт», разработанный в ходе подготовки «единого учебника», содержатся формулировки «сталинская диктатура», «культ личности», «массовые репрессии» и «великодержавные амбиции». Трудно представить, чтобы Путин открыто отказался от позиции, которую он отстаивал на протяжении 15 лет.

Можно предложить несколько объяснений «возвращения Сталина» в 2015 году. Одно из них характеризует эту серию событий как «пробный камень» Кремля, который он запустил для проверки общественной реакции на радикальную переоценку отечественной истории.

Другой вариант – риторический прием для устрашения российских либералов и Запада. Кремль может на следующем шаге приостановить «возвращение Сталина» для того, чтобы показать себя голосом умеренности и разума. Таким же образом дебаты о памятнике Дзержинскому на Лубянке могут быть остановлены, например, решением установить на этом месте памятник князю Владимиру.

Третье объяснение также связывает возвращение Сталина с попыткой оправдания радикальных перемен во внешней политике России в 2014 году. Такие перемены требуют четкого объяснения для всех уровней государственного аппарата. От Кремля ждали чего-то более убедительного, чем наступление нацистов на Украине или новые открытия о князе Владимире. Ближайшим историческим периодом, когда Россия присоединяла территории, была сталинская эпоха. В этой связи можно увидеть в «возвращении Сталина» поиск политиками среднего уровня политического (исторического) языка, способного объяснить аннексию Крыма и оправдать другие возможные внешнеполитические шаги.

Ирония истории состоит в том, что наиболее соответствующий моменту нарратив оказался тем, который Путин не готов публично поддержать: сталинское восстановление Российской империи в форме Советского Союза в изоляции от остального мира. Чувствуя притягательность этого нарратива, часть элиты оказалась готова продвинуться дальше, чем готово государство. Это произвело эффект сорвавшейся лавины, которая угрожала выйти из-под контроля Кремля, - вероятно, впервые за время президентства Путина.

Вероятно, чтобы восстановить свой контроль над исторической политикой Российское правительство в августе 2015 года внесло давно подготовленный (но отложенный ранее на неопределенный срок) законопроект об увековечении памяти жертв политических репрессий. Возвращение этого законопроекта в Государственную Думу и превращение в закон в марте 2016 года, когда его подписал президент Путин, сигнализирует о том, что российское руководство не было довольным триумфальным возвращением Сталина в публичную политику и постаралось погасить такие инициативы.

Заключение

Историческая политика в России вошла в состояние турбулентности. Две важнейших и эмоционально насыщенных точки в истории вновь оказались в центре национального внимания: Великая отечественная война (объединяющая память) и эпоха Иосифа Сталина (память раскалывающая общество). Обе темы остаются сердцевинной исторической памяти и исторической политики в России, что затрудняет их исследование.

В России история заняла место политики. Редко можно услышать описания политических идеологий или событий с использованием терминов, принятых в науке или в западных обществах. В самом деле, такие слова, как «демократия», «либеральный», «выборы» и «аннексия» означают для многих россиян нечто другое, иногда противоположное тому, что под ними понимают на Западе. Чтобы передать свои политические взгляды или понять взгляды других, проще выяснить отношение к Сталину, распаду Советского Союза или десятилетию 1990-х.

Следующий раз историческая политика в России обострится, очевидно, в 2017 году, к 100-летию Российской революции. В стране, где история играет такую большую роль, подходы и оценки, которые этой революции даст руководство страны и ведущие политические силы, будет означать очень многое.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в Институте исследований Европы, России и Евразии (IERES) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org